

Накануне отъезда

Яреци Фернандез

Уже завтра она увидит Тору. И своего папу. Она даже не могла сказать, кого она хотела увидеть больше - любимого папочку или не менее любимого мужа. Она очень сильно скучала по Тору, последние несколько дней они почти не общались, да и с папой тоже не удавалось разговаривать. Папа был занят на работе, а Тору тоже был вроде бы занят, но она считала, что он сердится на нее из-за всего, что произошло с его братом. И не на тот случай, когда она разговаривала с ним два дня назад и подарила ему портрет, а на тот, когда она ему врезала, а потом вылечила ссадину и предотвратила слухи. Она не хотела на эти темы разговаривать с мужем, но ждала, когда папа ее встретит и назначит день и место для серьезного разговора. Она помнила, каким голосом он говорил с ней по телефону в тот день, она представляла его холодные глаза, в которых плескался гнев, и понимала, что даже эти десять дней не смогли смягчить его и что-то изменить.

Но сегодня у нее было хорошее настроение. И погода была хорошая. И она целый день была предоставлена сама себе, но не выходила из дома. Она прибралась, испекла торт и, посмотрев на часы, стала собираться к дому семьи Мотидзуки. Две женщины этой семьи, мама и жена среднего брата Тору, которые к ней хорошо относились, решили организовать небольшой ужин в честь ее отъезда. Она сначала отказывалась, это было очень неожиданно, но приятно, но все-таки согласилась. Поэтому она приготовила торт и, запаковав его, направилась по уже знакомому маршруту, чтобы в назначенное время позвонить в дверь...

Путеводная Нить

Устраивая прощальный ужин для жены младшего сына, Чиеко и подумать не могла, что подготовка к этому мероприятию дастся ей так тяжело. Вместе с отъездом Яреци исчезала нить, связывающая ее с Тору и обещающая, что он когда-нибудь вернется в Японию. Да и к наивной девочке, постоянно приходящей в ее дом и требующей работы, она за последнюю пару месяцев успела привыкнуть, и очень жалела, что сын с женой не хочет остаться в родном городе или, хотя бы, в Токио и дать ей возможность увидеть рождение первой внучки.

Конечно, Чиеко приглашала всех, но мужская половина ее семьи, включая Джуна, который тоже собирался улетать, хоть и обещал надолго не задерживаться в Китае, сегодня решила удариться в работу, ответив на ее прямой вопрос уклончиво. Поэтому пока компанию им с Яреци должны были составить Мизуки, которая вызвалась во всем ей помогать, Фуэми и Эри, позволяя всем женщинам семьи Мотидзуки устроить совместные посиделки впервые за долгое время.

Яреци она встретила сама, не пропуская своих невесток, поскольку в момент ее прихода, находилась рядом со входной дверью.

- Проходи, - Чиеко пропустила девушку внутрь и кивнула в сторону столовой. - Мужчин еще нет и неясно появятся ли они вообще, так что посидим немного женским кругом.

Хозяйка дома не стала долго стоять над душой, отправившись на кухню проверить, все ли готово. Яреци и сама прекрасно ориентировалась в доме, так что могла справиться без ее помощи. В конце концов девушка хотела, чтобы ее считали членом семьи, поэтому Чиеко не собиралась вести себя с ней, как с гостьей.

Яреци Фернандез

Дверь открылась очень быстро, и девушка вежливо поклонилась хозяйке дома, которая сама открыла дверь. Вошла в дом и сняла обувь. Аккуратно поставила свои кеды на специально отведенное для этого место и, поклонившись женщинам, которых теперь, если она все-таки является членом семьи, нужно называть сестрами, а также поклонившись Эри, жене племянника Тору, с которой она виделась очень редко и уж тем более не разговаривала, она направилась на кухню, держа торт, который приготовила недавно. Она хотела поблагодарить их за всё, что они сделали для неё, так внезапно появившейся на пороге их дома. Конечно, если бы не известие о беременности, которое перечеркнуло всю ее жизнь, она бы вряд ли стала членом семьи, но и такой вариант развития событий ей совсем не нравился. Она не хотела, чтобы всё было именно так, она много переживала и плакала из-за этого. И сейчас она старалась понимать, что вела себя как истеричка, как ребёнок, наверное избалованный. Но даже с такими истериками и некоторыми событиями её не выгнали из дома. Ей всё равно старались помочь. Хотя после того, как она врезала брату Тору, она боялась на следующий день идти в этот дом и просить работу. Ей казалось, что мадам Мотидзуки её просто вышвырнет из дома и скажет, что никогда больше не хочет её видеть. Но ничего этого не было, и, кажется, женщина даже не знала, что произошло. И, вероятно, никто не знал о том, что произошло.

- Миссис Мотидзуки, я... испекла торт, это один из российских тортов, они вкусные, я правда название не помню. Примите это в знак моей благодарности, - пробормотала она, заливаясь краской смущения и поставила торт на стол. Потом, решив больше не отвлекать женщину, покинула кухню и направилась в столовую. Снова вежливо поклонилась женщинам.

Она много времени потратила на приготовление этого торта, рецепт которого как-то давно нашла в каком-то кулинарном журнале, валяющемся на столе на кухне. Она попросила папу приготовить этот торт, который иногда покупали родители по праздникам, но у того ничего не получилось. Точнее, получилось совсем не то, что должно было получиться. И папа два или три дня, а может даже больше, пытался понять, что не так с этим рецептом, ругался на редакторов журнала, которые ничего не проверяют, на какого-то кондитера, который протолкнул этот торт в журнал, но всё-таки у него получился вкусный торт. И этот рецепт Яреци сегодня и вспомнила...

Путеводная Нить

Яреци пришла не с пустыми руками, самостоятельно приготовив к грядущему событию торт, что Чиеко, естественно, оценила. Когда она увидела эту девочку впервые, то не сомневалась в печальном исходе ее отношений с сыном, но сейчас, пусть смущающая ее разница в возрасте, характерах и культурных традициях никуда не делась, у женщины начала появляться надежда, что все будущие проблемы могут быть преодолены, если Тору и Яреци приложат для этого максимум

усилий и будут, в первую очередь, думать о семье, а не о своих эгоистичных желаниях.

- Благодарю, - Чиеко приняла торт, выйдя из кухни, - я сразу поставлю его на стол.

В подтверждении своих слов хозяйка направилась в столовую, где уже собрались остальные представительницы женской половины семьи Мотидзуки. Мизуки, как обычно, встала, чтобы ей помочь, Эри сидела тихо, как мышка, а Фуэми противно улыбалась, приветствуя, следующую за ней девушку.

- Яреци, дорогая, мы так рады тебя видеть, - раздался ее тонкий голос. - Нам будет тебя не хватать. Ты принесла тортик. Это так мило с твоей стороны. Правильно стараешься. А то первая жена Тору очень избаловала, выполняя все его капризы.

- Фуэми, боюсь ты забыла о цели нашей встречи, - Чиеко ожидала, что жена старшего сына постарается воспользоваться последней возможностью поиздеваться над Яреци, но не думала, что та начнет это делось прямо с первых минут. Похоже, впереди ее ждал не самый простой вечер, а практически все силы она успела отдать на стадии подготовки к нему, поэтому приходилось надеяться на поддержку Мизуки, если у нее самой, в ответственный момент просто не хватит сил со всем разобраться.

Яреци Фернандез

Она старалась понимать японскую речь, за эти месяцы, что помогала хозяйке по дому, смогла достичь каких-то успехов, что-то понимала, если что-то не понимала, то просила помощи у главы семьи или еще у кого. Юри, одна из помощниц миссис Мотидзуки, часто помогала ей, и девушка старалась отвечать добром на добро. С Фуэми она старалась не пересекаться, особенно после того случая с занавесками в комнате среднего брата Тору. Она была уверена, что мужчина сказал своей сестре, как они все друг друга теперь называют, что не стоит заикливаться на шторах. Надо будет его поблагодарить, если он, конечно, появится.

Жена старшего брата Тору снова начала говорить гадости, и девушка вздохнула. Ни в коем случае нельзя терять самообладание, нужно оставаться спокойной. Она больше не хочет плакать и переживать. Онм должна стать взрослой и сильной.

- Онэ-сан, - вежливо обратилась девушка к Фуэми, снова склонив голову, - я очень ценю вашу заботу и приму во внимание ваши советы.

Она говорила твердым голосом, старалась делать свое произношение правильным. После этого она посмотрела на женщину и слабо улыбнулась.

Путеводная Нить

Когда Фуэми начала припоминать первый брак Тору, Чиеко ожидала слез или хотя бы испуганного молчания, но на этот раз Яреци продемонстрировала способность достойно отвечать на провокационные комментарии, вызывая чувство гордости за ее успехи. А вот Фуэми такие перемены явно не понравились, и она постаралась сказать что-то еще, чтобы все-таки задеть девушку и тем самым немного себя развлечь.

- Конечно, ты всегда можешь ко мне обращаться. У тебя ведь нет никакого опыта семейной жизни. А Тору всегда был требователен к женщинам, поэтому долго ни с кем не встречался, пока в его жизни не появилась Харука. – Фуэми выдержала небольшую паузу, а потом добавила, словно бы для себя, но так, чтобы за столом ее все услышали. – Всегда думала, что младший братец однолюб. Удивительно, что он решился на второй брак.

Изначально, Чиэко хотела прервать Фуэми, как только та начала говорить, но потом решила не вмешиваться и взглядом остановила Мизуки, когда та попыталась что-то прокомментировать. Пока Яреци вела себя безупречно, а значит, стоило дать ей шанс справиться с проблемой самостоятельно. Скоро она должна была покинуть этот дом, и за его пределами единственной ее поддержкой становился муж, который не всегда мог быть рядом. Поэтому Чиэко надеялась, что девушка продолжит в том же духе и не позволит себя задевать каждому, кто что-то против нее имеет, демонстрируя тем, что она достойна носить фамилию Мотидзуки.

- Давайте сядем за стол. – Хозяйка первая подала пример, занимая свое место и разрешая приносить блюда, которые она с невестками еще не успела поставить на стол до этого. Несмотря на возраст и статус, Чиэко не гнушалась работы по хозяйству, показывая более молодым женщинам семьи, что слуги нужны только, чтобы оказывать помощь, а уж никак не выполнять за тебя всю необходимую работу.

Яреци Фернандез

Девушке совершенно не нравились слова, которые говорила эта женщина. Она уже даже пожалела о том, что согласилась с предложением мамы Тору устроить прощальный ужин. Но она понимала, что впереди будет много провокационных моментов, с которыми ей придется бороться. Пока она не научится не обращать внимания на отдельные слова и поступки отдельных личностей, которые иногда будут пытаться ее вывести из себя, она не сможет повзрослеть и стать сильной. Она должна перестать бояться, она должна стать сильной. Но эти слова Фуэми заставили ее запаниковать, хотя внешне она старалась не подавать вида, что это ее задело. Она посмотрела на маму Тору, увидела, что она не хочет вмешиваться, но, тем не менее, держит все под контролем.

Первой мыслью было ответить Фуэми что-нибудь резкое, на русском или испанском языке, которыми она владела лучше, чем японским. Но это будет признаком того, что она поддалась на провокацию. Тогда будет не очень хорошо и правильно. Хотя, выслушав ее речь, переведя ее на английский язык в своем сознании, она не удержалась от едкого комментария, зацепившись за слова "младший братец":

- Он тебе не брат, стерва, - это было сказано под нос на русском языке. Хотя от этого стало как-то страшно. Она вздохнула. - Я думаю, что мне неинтересно прошлое моего... мужа. Это было в прошлом, и он его отпустил, - ответила девушка, глядя в глаза этой змеюке.

Единственное, о чем она жалела - это то, что не взяла тот самый портрет Фуэми. Теперь он лежит на самом дне основной папки с рисунками, под рисунками озера и каких-то деревьев. И рисунком кролика. Она взяла с собой новую папку, в которой

лежали портреты членов этой семьи, которые должны быть на этом ужине. Портреты всех, кроме братьев Тору и жены Шотаро. Пусть у каждого из членов этой семьи будут храниться их портреты, которые написала девочка из Мексики, полюбившая японца.

Миссис Мотидзуки пригласила всех за стол, и девушка опустилась на свободное место. Нужно вести себя скромно, но не чувствовать себя гостем.

Путеводная Нить

В первый момент Чиеко показалось, что Яреци, в ответ на неприятные слова, сорвется и начнет грубить. Девушка даже что-то пробормотала себе под нос, вероятно, нелестное для Фуэми, но потом взяла себя в руки и ответила вполне корректно, демонстрируя, что за последнее время успела многому научиться. И эти ее достижения несказанно радовали Чиеко, волнующуюся за стабильность и благополучие нестандартного брака младшего сына, привыкшего принимать решения, не слишком задумываясь о их последствиях.

Когда все расселись за столом, и ожидаемые блюда заняли свои места, в комнате на время воцарилось молчание, прерываемое лишь звуками поглощения пищи. И Чиеко прекрасно понимала, что причиной этого является отнюдь не сильный голод присутствующих, а чувство неловкости, не дающее найти общей темы для разговора.

- Яреци, - первой гнетущей тишины не выдержала Мизуки, - ты уж там присмотри за моим сыном. Он никогда не был в Китае, да и вообще далеко и надолго не отрывался от семьи. Хотя, думаю, сейчас самая пора это сделать.

Чиеко знала, что решение отпустить Джуна далось Шотаро нелегко, но ее младший внук уже давно устал от своей однообразной жизни и заслужил немного свободы, чего не мог ни понимать даже Шо. И, конечно, все хорошо знали об ответственности Джуна, которая не позволила бы ему надолго исчезнуть в неизвестных краях и бросить учебу с работой. Так что за него была спокойна даже сама Чиеко, постоянно волнующаяся за семьи своих детей.

- А что тебе запомнилось в Японии? - неожиданно подала голос Эри, которая обычно не участвовала в общих разговорах. Наверно с Яреци, не так сильно отличающейся от нее по возрасту, как все остальные женщины, ей было намного проще и комфортнее обсуждать самые разные темы.

Яреци Фернандес

На некоторое время за столом воцарилось молчание, все были поглощены процессом принятия пищи. Девушка неожиданно для себя обнаружила, что хочет есть, притом сильно. Странно, она завтракала и даже успела перекусить перед выходом. Но, наверное, ей нужно привыкать, что порции теперь должны быть побольше, ведь она заботится не только о себе, но и о малышке, имя которой еще так и не придумала. В принципе, этим пусть занимается Тору, он больше разбирается в японских именах и их значениях. Интересно, а что значит имя Фуэми? Она бы не удивилась, что обозначает оно змею или еще какого-то ползучего гада.

Фуэми так ничего и не ответила, чему девушка была рада, потому что она сомневалась, что и дальше может нормально реагировать на ее ядовитые слова. Все-таки вырвавшаяся из уст фраза не осталась незамеченной главой семьи, и девушка не была уверена, что мама Тору будет это терпеть. Наверное, она попросит объясниться, и под натиском ее взгляда она не сможет ее обмануть. И тогда все, будет скандал.

От не самых позитивных мыслей ее отвлекла мама Джуна, которая попросила присмотреть за ним.

- Онэ-сан, - вежливо склонила голову девушка, думая, что должно пройти еще очень много времени прежде чем она сможет обращаться к ней или другим членам семьи без приставки "о". Потому что и большая разница в возрасте, и, самое неожиданное для этой семьи - разные культуры. Яреци была мексиканкой, ее мама имела гражданство Испании, папа оставался мексиканцем и имел вид на жительство в Испании. И там были другие законы. Хотя ко старшим обращались уважительно и то в редких случаях. Онс мотнула головой, сейчас совсем не время вспоминать о своей культуре.

- Я послежу за Джуном, не волнуйтесь. Признаться, мне самой было неожиданно, что он согласился со мной поехать. Но... - она задумалась, пытаясь подобрать слова и поняла, что не может выразить мысль ни на японском, ни на английском. - думаю, ему понравится в Китае...

И снова молчание. А потом вопрос задала невестка этой змеи. Яреци задумалась над вопросом молодой женщины, задумчиво грызя палочку. Идиотская привычка.

- Ну... я мало где была... Япония - многогранная страна, со своей многовековой культурой и современными технологиями. Но вот в вашем городе мне очень понравились набережные, порт, парки. И люди... у вас очень интересные люди. Спокойные...

Ей показалось, что она увлеклась, и она смущенно опустила глаза. Выпила немного воды.

Путеводная Нить

Услышав обещание Яреци проследить за ее сыном, Мизуки улыбнулась. Самому Джуну явно не понравился бы такой подход, но сейчас его не было рядом, и он не мог возмутиться чрезмерной заботе матери. Да и в этой поездке в Китай сопровождающим, официально, официально считался он, а не Яреци, хоть пока и не успел выучить язык на достаточно хорошем уровне, чтобы ориентироваться в чужой стране, а потому нуждался в опытном переводчике.

- Рада, что в Японии нашлись вещи, которые тебе понравились и надеюсь, что когда-нибудь тебе захочется вернуться сюда снова. - Чиеко решила подключиться к разговору и выразить свое отношение к происходящему. Она всегда ценила свою семью и очень не хотела терять возможность снова увидеть младшего сына с женой и дочерью, которые успели плотно войти в ее жизнь, пусть последняя еще даже и не появилась на свет. Но настаивать на их возвращении Чиеко бы никогда не стала,

считая достаточным показать, что здесь их в любом случае будут ждать и примут, даже по прошествии длительного времени.

- Спокойные? - Фуэми снова уцепилась за услышанное слово. - Я бы так не сказала. Даже не все члены нашей семьи могут считаться таковыми. Вот взять, например, твоего прекрасного супруга. Ему же постоянно не сидится на месте. Он даже тебя оставил в незнакомой стране, чтобы улететь в Китай. Кто знает, где он окажется еще через полгода. Интересно, он во всем такой непостоянный?

Слушая старшую невестку, Чиэко ненадолго задумалась, не пытается ли та устроить Яреци прощальную проверку, и уже хотела вмешаться, как раздался звонок в дверь, на который на этот раз вышла Юри, и где-то в прихожей загремел голос Шотаро, которого она совершенно не ждала, хоть и, как полагается, пригласила его подойти на семейное собрание.

Яреци Фернандез

Девушка вздохнула и посмотрела на хозяйку этого дома. Она очень хотела вернуться в Японию, несколько недель ее посещала мысль, что и уезжать отсюда она не хотела. Чужие люди, с которыми ее объединяет только маленькая девочка, которая должна появиться на свет через пять месяцев, стали для нее родными. Миссис Мотидзуки не стала настаивать на аборте в отличие от родной мамы, она помогла ей, давала надежду, что все будет хорошо. Девушке нравилось разговаривать с этой строгой и властной женщиной, и ей будет грустно без нее в каком-то Китае. Почему Китай? Она долго думала, куда можно отправиться в этом положении, и кроме Китая негде оказаться. Лететь недолго. В Россию лететь дольше. На поезде в Москву ехать не хотелось, да и из Японии никак не доедешь. Испания? Что там делать? Мексика? Она была там редко. А Россия не дает гражданство просто так. Да и не в гражданстве дело, а в чем-то другом.

Она хотела, чтобы Тору был рядом, чтобы он никуда не уезжал, чтобы был с ней рядом. И рядом со своей семьей...

- Я... я хочу вернуться сюда. Если честно, я... даже не хочу уезжать отсюда... - сказала девушка, покраснев, и опустив глаза. И снова послышался голос Фуэми. Противный, ядовитый. Яреци хмыкнула и снова посмотрела на нее. В этот раз стало страшно, что она не сможет достойно ответить. Пришлось сжать руку в кулак и на несколько секунд прикрыть глаза.

- Насколько я знаю, - еще бы вспомнить японские слова, а то стресс блокирует знания, - Мотидзуки-сан не просто так уехал в Китай на заработки. У него здесь с работой, насколько я знаю, с работой не очень хорошо. К тому же... - она вздохнула, - не знаю, как в Японии, но даже в Мексике многие уезжают на заработки в другую страну. В Соединенные Штаты, например...

Она осеклась и обреченно опустила глаза, глубоко вздохнув. Наверное, это было лишним, но она часто, когда волновалась или боялась, начинала говорить много и не совсем по делу. Сейчас было страшно. Особенно после того, как раздался звонок в дверь и послышался громкий голос среднего брата Тору. Она побледнела. Она боялась его, но больше всего она боялась, что вся эта информация о драке дойдет

до этих женщин...

Путеводная Нить

Когда мать пригласила его на прощальный ужин в честь отъезда Яреци и, к сожалению, собственного сына, Шотаро сразу планировал ответить категорическим отказом. В компании работы хватало с избытком, да и снова видеть странноватую жену младшего брата он лишний раз не хотел. Но, не желая обижать самую влиятельную женщину в семье, он обещал подумать и благополучно забыл об этом практически до самого момента, как наступило обозначенное в приглашении время. Точнее, о нем ему напомнил Джун, который закопался, стараясь привести в порядок все свои дела перед вылетом в Китай.

Сначала Шотаро отмахнулся от его слов, как от назойливой мухи, но, каким-то удивительным образом, они стали снова и снова прокручиваться в его голове, раздражая и, при этом, подталкивая в совершению нетипичного для него поступка - посещения мероприятия, кажущегося ему пустой тратой времени. И, в какой-то момент, он сдался и, повинувшись необъяснимому порыву, оставил дела и отправился в родительский дом, не сильно опоздав к началу запланированного действия и оказавшись первым представителем мужской части семьи Мотидзуки, соизволивший составить компанию уже и не ждавшим его женщинам.

- Ка-сан, рад тебя видеть, - он по привычке сначала поприветствовал мать, а потом всех остальных присутствующих. - А что у вас такие скорбные лица? Это прощальный ужин или похороны? Что, Яреци, кто-то успел уже дать тебе неприятные напутствие на дорожку?

Судя по тому, что во всей этой компании довольной выглядела только Фуэми, она уже успела сказать несколько гадостей в адрес странной девчонки, а та, как обычно, восприняла все близко к сердцу, но, хотя бы не плакала, что Шотаро посчитал огромным достижением.

Яреци Фернандез

Она даже не успела досформулировать ответ этой змее, как в столовую вошёл средний брат Тору. Девушка сглотнула и посмотрела на него. Вздрыгнула, когда он заговорил с ней. Да, он был прав - Фуэми почти её довела, но она надеялась, что сможет справиться с давлением этой женщины. И всё было более-менее нормально, если бы не появление Шотаро. Если бы он появился позже, то, возможно, всё было бы иначе. Но он появился именно в тот момент, когда грань между спокойствием и паникой была почти незаметной. И вот теперь всё это разлетелось вдребезги. Снова навалилась паника, и девушка вздрогнула. Она боялась этого человека. Боялась его ещё с первой встречи, что-то в нём было пугающее. А уж после того, как она не сдержалась и ударила его, она готова была провалиться сквозь землю от страха. Исчезнуть. Просто пропасть со всех реестров, исчезнуть из памяти людей. Жаль, что это невозможно.

- Добрый вечер, мистер Мотидзуки, - вежливо склонила она голову. - Нет, я... мне... просто мне грустно уезжать отсюда, - наконец сказала она, всеми силами стараясь сделать свой голос нормальным и не дрожащим. К горлу стал подступать комок

слёз, и она горько усмехнулась и обняла руками стакан воды. Стала смотреть в него.

Путеводная Нить

Судя по выражению лица Яреци, он своим предположением попал в цель, пусть она и пыталась доказать обратное. Особенно его позабавило высказывание, что она не хочет уезжать из Японии, хотя изначально здесь ее никто не ждал и не был рад появлению столь молодой и импульсивной девушки в качестве потенциального члена семьи Мотидзуки. Так что ее ответ он просто не мог оставить без комментария.

-Так оставайся. - Шотаро уселся за стол и голодным взглядом обвел представленные на нем блюда. Сегодня ему пришлось работать без обеда и, если бы не напоминание Джуна, то и без ужина. Поэтому, он, в каком-то смысле, был благодарен сыну, после слов которого в его голове засела мысль о необходимости посетить очередное семейное мероприятие. - Поселим тебя в бывшей комнате Тору. А после рождения ребенка устроим работать в компанию. Я тут переговорил с дизайнерами, и она сообщили, что ты даже высказывала неглупые мысли. Так что если тебя подучить, то может быть толк. Все лучше, чем болтаться где-то в Китае. Так и Тору когда-нибудь вернется. А не вернется, мы тебе нового мужа найдем, получше прежнего.

Пока Шотаро говорил, он не забывал наполнять свою тарелку, чтобы по окончании монолога наброситься на еду, давая присутствующим поразмыслить над его словами. Конечно, он говорил не всерьез, хотя и не сомневался, что случись с Тору, какая беда или помутнение рассудка, заставившее его все бросить, ситуация, с подачи матери, развивалась примерно таким образом, как он и описал. Правда с поиском нового мужа могли возникнуть накладки, поскольку он должен был либо войти в семью Мотидзуки, взяв фамилию жены, либо уже являться ее частью, поэтому Шотаро не удивился бы, если его практичная мать подсунуть девчонку кому-нибудь из его собственных сыновей, будь они на тот момент не женаты. Но все это являлось не более чем бредовыми фантазиями, о которых Шо забыл уже через минуту, как приступил к поглощению пищи.

Яреци Фернандес

А вот дальше события развивались настолько стремительно, что она совершенно не знала, что делать. Ей казалось, что Шотаро рассказал Фуэми про тот унижительный удар, и они теперь оба решили поиздеваться над ней. Потому что после слов Шотаро на лице Фуэми улыбка стала ещё больше и омерзительнее, чем раньше. Больше никто не говорил, и девушка с ужасом поняла, что никто говорить и не будет, решив дать ей возможность самой постоять за себя. Вот только не было сил постоять за себя. И было единственное желание убежать. Как же дожить до завтра? Завтра она увидит Тору и папу. Двух любимых людей, без которых жить тяжело. И пусть папа потом выскажет ей своё недовольство по поводу всего произошедшего, но это будет не так страшно, как ужин. Этот чёртов ужин, на который она согласилась.

Высказавшись, Шотаро начал есть. Девушке показалось, что делал он это нарочно шумно и как-то слишком по-простому, не так чинно, как, возможно, должно быть

потребление пищи в таких домах и семьях. Вот в Испании, в доме бабушки, было очень тяжело просто есть. Нужно держать осанку, правильно держать столовые приборы, а уж если возьмёшь большой кусок мяса в рот и будешь с задумчивым видом его жевать, то можно было получить от бабушки. Папа ей как-то рассказывал, что Маркуса часто наказывали чтением Библии или заучиванием правил по этикету.

Но, наверное, надо что-то ответить, чтобы не дать этим людям уничтожить пока ещё нормальный вечер. Хотя нормальным он перестал быть, как она вошла в столовую. Жаль, конечно, что она надеялась на невозможное, что хоть один раз какое-то собрание с её присутствием пройдёт без скандала. Хотя она обрадовалась, что сейчас не было Тору. Она не сомневалась, что он мог поколотить за это брата.

- Я подумаю над вашим предложением, но не думаю, что приму его в вашу пользу, - как хорошо, что никто не знал, каких ей стоило моральных сил держать лицо перед ним. Она смотрела на него. - Приятного аппетита, Мотидзуки-сан.

Она снова склонила голову, а потом опустила глаза и стала задумчиво рассматривать стакан с водой, будто видела это первый раз в жизни.

Путеводная Нить

Его слова не вызвали особого энтузиазма, хотя, если откидывать компонент шутки, он предлагал девушке обеспеченное будущее и стабильность, весьма ценимую в их семье. Правда подобные решения формально должен был принимать Рюхей как нынешний глава семьи, а в реальности заправляющая всем мать, но Шотаро сильно сомневался, что они отказали бы Яреци в описанной им поддержке, если бы в этом возникла необходимость.

- Шотаро, - я так рада, что ты пришел, - раздался отвлекающий его от еды голос Фуэми. - Признаться, после того, как ты категорично высказывался по поводу беременных школьниц, я боялась, что ты не захочешь лишний раз встречаться с нашей милой Яреци из-за ее слишком юного возраста. Хотя, конечно, она уже не школьница, а уважаемая супруга нашего брата. И замуж она за него выходила по большой любви, а не из-за последствий, распушенности. Или как ты там говорил?

Шо и сам любил цепляться к людям и иногда задевать их за живое, но Фуэми переходила в этом все допустимые границы. И если свое отсутствие особой симпатии к странноватой девчонке он мог объяснить конкретными причинами, то ему было совершенно непонятно чрезмерное издевательство со стороны Фуэми, которая сегодня явно превзошла саму себя, позволяя себе откровенные грубости, словно рядом не было матери, которая никогда не спускала подобного поведения. И в этой ситуации Шотаро склонен был принять сторону несчастной жертвы, очень точно изобразившую свою мучительницу в виде змеи, поскольку не любил дестабилизацию семейной ситуации, превосходящую все допустимые нормы.

- Нэ-сан, - начал он, опережая мать и Мизуки, готовых наброситься на возмутительницу спокойствия, - и я рад, что пришел. Жаль только твои ядовитые слова, показывающие отсутствие элементарной культуры, чуть не испортили мне аппетит. Так что лучше помолчи, если не можешь сказать ничего умного, и оставь в покое, как ты верно заметила, уважаемую супругу нашего брата.

Шотаро никогда не стеснялся в выражениях, если они не касались его родителей, так что считал вполне нормальным не проявлять тактичность и подбирать мягкие выражения, как это делали женщины, а быстро заткнуть раздражающую жену несчастного Рюхей и вернуться к еде, от которой его так старательно отвлекали.

Яреци Фернандез

Ну почему никто не хочет вмешиваться? Наверное, здесь это не принято? Вот в Испании бабушка всегда, если начинались за столом какие-то разговоры, не относящиеся к заявленной теме, пресекала это своим сердитым взглядом. Это было там, за несколько тысяч километров от этого большого дома, затерянного в портовом городе в Японии. Вряд ли она вернётся туда, в Испанию. Мама и бабушка видеть её не желают, особенно с ребёнком. Здесь тоже далеко не все её ждут. Может быть хоть дочь будут любить все члены этой семьи? Тоже вряд ли.

Она закрыла глаза, чтобы скрыть боль, пронёсшуюся в них, и сильно сжала челюсти, чтобы не заплакать. Подавила в себе слабый стон. Нужно собраться, продержаться этот ужин. Жаль только, что не получится...

И снова слова Фуэми. Противные, страшные, колющие, оставляющие незаживающие раны на душе. Она вздохнула и сглотнула, решив ничего не отвечать. Наверное, это было неправильным, и нужно было что-то ответить, но она боялась, что вместо слов из груди будут вырываться рыдания. Она не хотела больше плакать.

Но вот слова Шотаро заставили её вздрогнуть и открыть глаза. Посмотреть на него, как он спокойно ел. Ведь она слышала эти слова, она не страдала слуховыми галлюцинациями, и ей показалось, что сейчас он не то, чтобы защитил её, но хотя бы не стал поддерживать жену своего старшего брата. Почему?

- Спасибо... - тихо пробормотала девушка, боясь посмотреть на него. Зачем он это сделал? Чтобы самому поиздеваться над ней? Она выдержит это? Что теперь делать? Попрощаться и уйти? Подарить перед этим портреты и уйти? Или остаться? Что нужно делать в таких ситуациях, чтобы не прослыть истеричкой? Хотя она и без того постоянно ревёт...

Путеводная Нить

Когда в свое время Яреци приходила и плакалась ей из-за того, что у нее будет девочка, Чиеко в глубине души подумала, что девушка просто не понимает своего счастья. Вырастив троих мальчишек, двое из которых постоянно мотали ей нервы, она много бы отдала, чтобы у нее в свое время была послушная и сдержанная дочь-помощница, не устраивающая бунты и провокации. Но, несмотря на некоторые сложности с детьми, Чиеко была уверена, что неплохо их воспитала и вложила в их головы представления о допустимом и недопустимом поведении и необходимости защищать свою семью от внешних и внутренних посягательств на ее благополучие. Что Шотаро и продемонстрировал, выступив против Фуэми, когда она показала все свои худшие стороны, нападая на не сделавшую ей ничего плохого Яреци.

- Фуэми, сходи, пожалуйста, проверь, все ли хорошо на кухне. - Естественно, на кухне присутствие старшей невестки не требовалось, но Чиеко не собиралась

позволять подобного поведения, особенно в ее присутствии, словно слова настоящей хозяйки дома уже не имели никакой силы.

Дождавшись, когда Фуэми с перекошенным от злости лицом выйдет за дверь, женщина, спокойно, как будто ничего и не было, придвинула себе тарелку кусочком торта, предварительно порезанного и разложенного выполняющей все вовремя Юри, и решила снять пробу.

- Спасибо, Яреци, это действительно вкусно. - Чиеко редко баловалась сладостями, но сейчас, не собираясь открыто жалеть жену младшего сына, хотела оказать ей поддержку, демонстрируя, что ее старания не остаются незамеченными. Она очень не любила всевозможные семейные дразги и хотела, чтобы хотя бы конец ужина прошел в относительно спокойной атмосфере.

Яреци Фернандез

Обстановка накалилась до предела, ей казалось, что воздух затрещит, появятся молнии, но ничего не произошло. Только потому, что миссис Мотидзуки просто выставила за дверь Фуэми. Спокойным голосом, как будто это было нормальное действие. Девушка снова вздрогнула и подняла голову, чтобы посмотреть на маму Тору. Но та решила не заикливаться на разговоре и начала есть торт. От её похвалы затрепетало сердце, стало как-то спокойнее и грустнее. С каждым часом всё меньше времени оставалось до отъезда, а она жалела, что ничего нельзя изменить. Она должна уехать, хоть очень и не хочется. Она не могла больше здесь оставаться. Не потому, что кто-то её открыто не любил. А потому, что было больно прощаться. Сейчас уже больнее прощаться, чем вчера. Или даже чем полчаса назад.

Постепенно, ужин подошёл к концу, Шотаро так и остался единственным мужчиной в этой компании, но девушка старалась больше не подавать вида, что вообще здесь есть, чтобышний раз никого не нервировать. Больше она к еде так и не притронулась, решив, что торт она поест и дома. Только вот дома у неё не было. Только квартира в России. И то служебная. А если родители разведутся... у них и квартиры-то не будет...

Вернулась Фуэми, но теперь от неё не было ничего слышно. Хотя Яреци была уверена, что та что-то замышляет. Решив, что всё равно та что-то может сказать, девушка извинилась и вышла из столовой. Вытащила из сумки папку с рисунками и вздохнув и собравшись с мыслями, вернулась обратно. Открыла рот, но слова застряли в горле. Она глубоко вздохнула и сглотнула. Встретилась взглядом с Фуэми и пожалела, что нарисовала всё-таки её нормальный портрет. Но, наверное, это и к лучшему. Не стоит усугублять.

- Я... хочу поблагодарить вас за всё, что вы для меня сделали, - голос сильно дрожал от волнения. - Я... люблю рисовать, и несколько дней назад я написала ваши портреты. Я... примите моё скромное творчество в знак благодарности.

А вот как отдавать подарки, в каком порядке? Сначала, наверное, маме Тору, потом Фуэми и дальше по убыванию? Или наоборот? Решив, что начать надо с мамы Тору, она, заливаясь краской смущения, протянула женщине портрет, написанный

простым карандашом, на листе А4. Потом передала портрет Фуэми, затем Эри отдала два портрета - её и её мужа, Рюичиро. И Шотаро с Мизуки отдала портреты сыновей. В уголке каждого портрета было написано имя, скорее для себя, чем для кого-то. но она надеялась, что всё написала правильно и ничего не перепутала.

И осталась стоять, заливаясь краской смущения. Теперь надо домой. Пока не так темно и не страшно...

Путеводная Нить

На счастье, конец ужина прошел спокойно, как она и планировала. За столом время от времени начинались и заканчивались малозначительные разговоры, не затрагивающие никого лично, и даже возвращение Фуэми прошло без неприятных последствий. Ее старшая невестка вела себя тихо и, на удивление, корректно, показывая, что выводы были сделаны, и она больше не желает быть изгнанной на кухню.

По окончанию ужина, Яреци ненадолго удалилась и вернулась с папкой, из которой начала доставать портреты членов семьи, чем немало удивила Чиеко, не ожидавшую подобных подарков. В момент, когда девушка отдавала рисунок Фуэми, Шотаро негромко засмеялся, но быстро себя остановил и сделал вид, что ничего не произошло, вызывая подозрения, что она чего-то не знает о своем сыне. Но, долго думать на эту тему Чиеко не стала, поскольку отвлеклась на собственное изображение, поражающее пусть не великим мастерством исполнения, но вложенным автором портрета трудом и ощутимой любовью, с которой он был выполнен.

- Спасибо, - Чиеко внимательно посмотрела на девушку и позволила себе легкую улыбку, редко украшающую ее лицо. - Мой сын сегодня наговорил много ерунды, но кое в чем он действительно был прав. К этом доме для тебя всегда найдется место, а в компании работа, если возникнет такая необходимость.

Чиеко прожила достаточно длинную жизнь и еще недавно была готова уйти вслед за мужем, если судьба решила бы именно так, но сейчас ей хотелось прожить достаточно долго, чтобы увидеть, как Тору с женой снова когда-нибудь переступят порог этого дома, и взять на руки свою первую внучку, а если здоровье позволит, то и увидеть, как она растет и становится полноправной частью семьи Мотидзуки. Наверное, в этом и заключалось истинное счастье, которое большинство людей просто не замечали, погрязнув в бытовых проблемах и напрочь забыв о том, что действительно важно.

Яреци Фернандез

Где-то в глубине души всё ещё был страх услышать, как рвётся бумага. Это воспоминание о порванном портрете, случившееся три года назад, до сих пор прочно сидело в памяти и всегда напоминало о себе в самый неподходящий момент. Она боялась повторения этого, хотя ни один человек, которому она дарила портреты после того случая, не порвал его на её глазах. Хотя она никому не дарила ещё портреты. Первым, кого она нарисовала, был Тору, но этот портрет нужен был ей для поступления в институт, хотя там его и не спрашивали. Тору тогда сказал, что он совсем не такой, как человек, изображённый на портрете. Жаль, что этого

портрета уже нет. Но тут она сама была виновата. Она думала, что сможет забыть любимого, если вернётся в Москву, поступит в институт, но, как оказалось, забыть она его не смогла. И теперь уже не сможет. И бросить она его теперь тоже не сможет.

Больше всего она боялась, что портрет разорвёт Фуэми, хотя она не сомневалась, что так оно и будет, но в данный момент этого не произошло, что не могло не радовать. Мужчина тихо засмеялся, и она на него посмотрела. С опаской, что он прокомментирует тот самый рисунок, но этого не произошло, что в очередной раз вызвало чувство благодарности этому человеку.

- Спасибо вам, миссис Мотидзуки, я... благодарна вам за помощь и поддержку. - Вежливо поклонилась женщине девушка. - А сейчас простите меня, мне надо идти. Я завтра утром улетаю, и... - она снова густо покраснела и осеклась. Пробормотав извинения, она очень быстро вышла из столовой и стала одеваться.

К её огромному удивлению, брат Тору предложил её подвезти до дома. Она вздрогнула и отрицательно мотнула головой, боясь поднять на него глаза. Но он сказал, что ждёт её в машине, и ей пришлось согласиться поехать с ним. Его жена осталась дома помогать матери, да и все, в принципе, остались дома. Девушка обвела грустным взглядом коридор, запоминая интерьер, и вышла из дома. Спустилась с крыльца и, подойдя к машине, обернулась. Большой дом в сгущающихся сумерках выглядел устрашающе. Она была уверена, что если бы не обстоятельства, то она бы никогда не захотела подходить к этому дому ближе чем на пушечный выстрел. Потому что даже в солнечном свете он выглядел каким-то пугающим. Отталкивающим... Она вздохнула и, стерев слёзы, села в машину. Кто бы знал, как ей не хотелось отсюда уезжать. Ей казалось, что с отъездом из этого дома она теряет какую-то ниточку, маленькую и тоненькую ниточку, совсем невидимую, но связывающую её с новой семьёй. Ведь ей казалось, что кроме папы она больше никому не нужна. Вот папа даже, несмотря на свой возраст и проблемы со здоровьем, приехал в Китай, чтобы быть ближе к ней. А мама категорично заявила, что её больше не ждёт. А здесь, в Японии, есть миссис Мотидзуки, которая приняла её в свою семью. Жаль, конечно, что всё так получилось, но... может быть это и правильно - теряя что-то одно человек обретает другое, более ценное...

Брат Тору довёз её до дома и остановил машину. Она отстегнула ремень безопасности и открыла дверцу машины. Посмотрела на мужчину и вздохнула.

- Мистер Мотидзуки, простите меня за то, что я вас ударила тогда. Я... искренне раскаиваюсь и понимаю, что вы меня за это никогда не простите за это. Но... спасибо вам за то, что... защитили меня от нападения этой змеи... жены вашего брата. Я... спасибо и... до свидания.

Мужчина ничего не ответил, даже не посмотрел на неё, и она вышла из машины. Захлопнула дверцу и направилась к подъезду. Поднялась на шестой этаж и вошла в квартиру. Предстояло пережить последнюю ночь в одиночестве, а уже завтра, часов в десять утра, она увидит Тору. И папу.
